

Федор Михайлович Решетников

Внучкин

Федор Михайлович Решетников

Внучкин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8049582
Внучкин: 1866

Аннотация

«...У одного небогатого крестьянина Покровского села родился сын. Этому сыну не довелось видеть своей матери, потому что она умерла через сутки по разрешении. Отец этого ребенка, Сидор Еремеич, запил и, допившись до белой горячки, повесился. У него был брат – Кузьма Еремеич, волостной писарь, который из сострадания и взял к себе на воспитание сына Сидора Еремеича, которого и назвали во святом крещении Васильем...»

Содержание

I	4
II	7
III	13
IV	19
VI	27
VIII	39

Федор Михайлович Решетников Внучкин

I

У одного небогатого крестьянина Покровского села родился сын. Этому сыну не довелось видеть своей матери, потому что она умерла через сутки по разрешении. Отец этого ребенка, Сидор Еремеич, запил и, допившись до белой горячки, повесился. У него был брат – Кузьма Еремеич, волостной писарь, который из сострадания и взял к себе на воспитание сына Сидора Еремеича, которого и назвали во святом крещении Васильем.

Никто так не жил в селе достаточно, как люди, заправлявшие делами волости, особенно волостной старшина и писарь Внучкин. Это был такой человек, который со всеми ладил: нужно ли что крестьянам – он сделает, но зато получит от них малую толику; нужно ли что старшине или голове – он сделает, что может; станет ли становой придирааться к сельскому начальству, он и тут выручит их; приедет ли окружный

начальник, – и тот, благодаря Внучкину, уедет с миром. Великий был человек Внучкин – и у этого-то человека воспитывался Василий Сидорыч вместо сына, потому что дети Степаниды Леоновны умирали, к крайнему ее огорчению. О нежном обращении с ребенком говорить нечего; о том, чтобы он был всегда сыт, тоже нельзя похвастаться, – и как бы он ни воспитывался – нам нет дела, только Василий Сидорович остался цел и жив до сих пор.

Вася был мальчик не глупый: он все понимал, что делается вокруг, и скоро научился разным плутням. Так, еще не зная грамоты, он один раз долго следил за дядей, сводившим в книге отчеты и считавшим деньги. Об этих отчетах он слышал разговор дяди с старостой, слышал, как дядя взял с Петра Окулова пятьдесят рублей за то, чтобы Окулов не попал рекруты. Эту книгу Вася бросил в печь – и как смеялся потом над тем, что дядя долго злился на всех, шептался с головой и т. п. Больно неприятно было мальчику слышать от крестьян слова: «Вот этот Васька в дядю пойдет. Уж такого подлеца, как наш писарь, нигде не найдешь: куда ни сунься, все этот Кузька напрокудил. А как его сменишь, коли начальство его определило».

Скоро Вася выучился грамоте, и после этой выучки жизнь его изменилась: дядя заставлял его заниматься в волостном правлении, чтобы он привыкал к де-

лу, и Василий в течение двух-трех лет так понаторел к делу и так набил руку, что во многом не уступал своему дяде.

II

Так продолжалось четыре года. К концу четвертого года Кузьма Еремеич обленился, стал пить водку, запускать дела, и волостное правление решило заменить Кузьму Васильем, с тем, чтобы Кузьма показывал Василью. Но Василья нечего было учить, он все дела знал хорошо и обделывал нисколько не хуже дяди.

Сначала крестьяне с надеждой смотрели на нового писаря, потому что он раньше ругал голову и своего дядю; говорил, что если его сделают писарем, то он все дела крестьянские приведет в порядок и за честность крестьяне ему будут много благодарны. Но крестьяне ошиблись. Несмотря на то, что он ходил к крестьянам в гости, терся в кабаке, шутил с ними и ругал начальство дураками, крестьяне называли его плутом. Он ни на кого не кричал, говорил с усмешками: ему не давали денег – он говорил: нельзя, он этого сделать не может. А поди, жалуйся на него, когда голова не разговаривает с мужиками и гонит их прочь. Но все-таки он нравился крестьянам, которые и сами не знали, почему он нравится им. А дело было просто. Если крестьяне просили подождать недоимки, он брал с них подарки и обделывал дела так, что этот

год недоимки не просили, а на будущий – недоимок числилось за крестьянами вдвое больше, чем следовало. Если крестьяне просили билет на жительство в разных городах, он даром не давал; то же самое и со взносом податей. Но зато за рекрутчину ему много пришлось получить проклятий. Кроме этого, он так сумел поставить себя, что ему не только в волостном правлении был почет, но и в рекрутском присутствии, и в казначействе, и в палате имуществ, где он от имени волостного правления задобривал кого следует, не гнушались сельским писарем Внучкиным.

Деятельность молодого Внучкина была обширная, но кроме этого он заключал условия с караванными приказчиками, на наймы людей в судорабочие. От них он выведывал все дела по судоходству, от крестьян – плутни приказчиков, и заключал выгодные для себя условия с приказчиками, получивши за каждого крестьянина по рублю денег.

Мало-помалу Внучкин сделался важным человеком волости. Крестьяне поняли, каков он, и ни один из них так «никого» не боялся, как Внучкина, потому что Внучкин все дела обделывал. Если крестьянин жаловался губернатору на волостное правление, от волостного правления, через разные присутственные места, требовали донесения, а донесения сочинял Внучкин. И не только крестьяне боялись его, но не

смели с ним ссориться даже старшина, старосты и тому подобные лица, потому что Внучкин так их запутал по одному рекрутскому делу, что они не смели и пикнуть. С ним даже ничего не мог сделать окружный начальник, гроза волости. Этот начальник всегда получал исправно подарки, а получивши по какому-нибудь делу крупный подарок, он держал сторону волостного правления. И как он ни старался подкопаться под писаря, ничего не мог с ним сделать. Внучкин всегда был трезв, всегда встречал и провожал начальника с почетом; канцелярская формальность всегда была соблюдена как следует.

Приезжает окружный в село, его встречает Внучкин без шапки.

– А! погоди же ты, подлец, упеку я тебя в Сибирь. В правление!

«Ладно, – думает Внучкин: – кто кого упекет». И идет в правление.

– Жеребьеный список! – кричит окружный.

Внучкин подает ему тетрадь. Окружный перелистывает.

– Почему не Фома Панютин попал?

– Не могу знать: так жеребий вышел.

– Я тебе покажу жеребий, свинья. Не Илья Степанов попал, а Фома Панютин.

– На другой странице объяснение есть...

– Я тебе покажу объяснение... – Перевертывает окружный лист, там лежит кредитный билет.

– Свинья! – скажет окружный и улыбнется. – А как ты думаешь, Внучкин: можно пощупать старшину?

– Можно-с.

– Ну-ко, как?

– По постройке плотин-с.

Или вдруг получает Внучкин бумагу, которая требует объяснения по чему-нибудь. Идет Внучкин к старшине, Проворит: так и так, лесничий донес, что крестьяне много лесу рубят, а ты сколько дерев-то сплавил? Поди, не одну сотни зашиб.

– Да ведь сам лесничий рубит тоже.

– А вот теперь крестьяне на тебя жалуются, и потянут нас с тобой.

Даст старшина сто рублей писарю и пошлет его к окружному да лесничему, те и возьмут деньги, да еще чаем напоят Внучкина.

Даже сам управляющий палаты имуществ отзывался, что лучше Петровской волости во всей губернии ни одной нет, и выхлопотал Внучкину медаль за усердие. И до сих бы пор Внучкин царствовал в селе, да черт сунул в село ревизора из Питера. Ревизор, как ревизор, был человек строгий, казался соблюдающим интересы крестьян. Еще до приезда его в село было известно, что управляющий палаты подал в отставку,

а окружный предан суду. По ревизии ревизор ничего не нашел худого в волости, да крестьяне попросили ревизора сменить начальство.

– Почему сменить? у них все исправно, – сказав ревизор.

– Они, ваше превосходительство, всегда всем недовольны, – сказал Внучкин.

Все бы ладно, да черт подсунул Внучкина предложить ревизору пакет.

– Это что? – закричал ревизор.

– Благодарность от крестьян.

– А! – сказал ревизор, пакета не взял и уехал, а через месяц из палаты имуществ получила бумага: назначить из волости нового писаря.

Однако нового писаря не избрали. Внучкин подписывался: Власов – и исправлял свое дело до тех пор, пока не донес на Внучкина становой. Затребовали из волости объяснение, потом потребовали в палату Внучкина. Внучкин объяснил, что он уже год как не состоит на должности, и подал рапорт Петровского сельского общества об избрании его сельским заседателем.

Дело, конечно, не обошлось без денег, и Внучкина выбрали сельским заседателем, но в этом звании он пробыл только месяц. Позвали его в земской суд, он вошел в присутствие.

– Что тебе надо?

– Я сельский заседатель. Меня звали.

– Можешь в прихожей сидеть.

– По закону я должен в присутствии быть.

– Ах ты, негодяй! Он еще говорит! Пошел вон и жди,

когда дадут тебе подписать бумагу.

– А не пойду.

И Внучкина скоро уволили с тем, чтобы впредь ни на какие должности не определять.

Думал-думал Внучкин: чем бы ему заняться? На должности не определяют; торговлей заняться – невыгодно, да и как-то постыдно после такой должности торговать: «Еще будут говорить, что я на воровские деньги торгую». А капиталу у него накоплено немного.

В марте месяце приехал к нему приказчик из какого-то завода за наймом бурлаков. Разговорились о том, что ныне трудно жить честно; каждый рассказывал разные приделки начальства.

– Ну, я бы на твоём месте не усидел. Поехал бы я в Нагорск, там ныне пароходы строятся, – говорил приказчик.

– В самом деле! – И Внучкин, оставив жену и двух детей, поехал в Нагорск.

III

В Нагорске Внучкин прожил два месяца. Много ему в это время пришлось обтоптать полов в прихожих пароходовладельцев, управляющих и разных конторщиков, где на него даже и глядеть не хотели. Задор его берет, а ехать назад ему не хочется.

Жил он на квартире у одного мещанина-подрядчика; там же жили двое писцов одной пароходной конторы. Оба они носили сюртуки, брили бороды. Внучкин решил, что надо познакомиться с ними, и раз вечером, напомадивши волосы, расфрантившись, пошел к ним попросить книжечки почитать от скуки.

– Мое почтение, – сказал он, входя к ним.

– Здравствуйте, что скажете?

– Да я сосед ваш; скучно одному-то, вот и пошел попросить книжки.

– Приятно познакомиться. А вы где служите?

– Я еще нигде не служу. В Боткинской губернии был волостным писарем, да не поладил со старшиной.

– Што так?

Внучкин рассказал целую историю о краже старшиной казенных денег, о сговоре его, Внучкина, быть сообщником в воровстве. Он так хорошо, увлекательно и смешно рассказывал, что понравился им, и они по-

переменно стали рассказывать ему о разных судьях, председателях, губернаторах. Стали пить чай. За чаем они сошлись еще ближе. Пароходные служащие были крестьяне, тоже служившие прежде в волостных правлениях, и теперь каждый из них получал жалованья по двадцать пять рублей в месяц.

– Ну, а занятия у вас какие? – спросил Внучкин.

– Занятия пустые: реестры пищем ведомости, накладные, бумаги переписываем.

– Это все пустяки. Я вот писарем сколько лет был. На что рекрутский устав трудноват, да я его как отче ваш знаю: всегда из воды сух выходил.

И с этих пор или Внучкин ходил к пароходно-конторским служащим, или они, также от скуки, захаживали к нему поиграть в трынку, а потом Внучкин познакомился с конторщиком этой конторы и попал в писцы на пятнадцатирублевое жалованье.

Первым подвигом его в начале службы было то, что он, получив из дома деньги, угостил в гостинице конторщика. Конторщик, получавший жалованья тысячу рублей в год, вел себя важно и показывал вид, что ему плюнуть так в ту же пору на Внучкина, а когда стал прощаться, то, подавая левую руку, начальнически попросил его прийти завтра на квартиру переписать одну бумагу, о которой он не должен никому говорить. Внучкин покраснел от удовольствия.

Прозанимался Внучкин в конторе два месяца, и служащие стали замечать, что конторщик что-то очень расположен к нему: Внучкин приходит в контору раньше всех, постоянно занимается по вечерам, не переписывает, а занимается бухгалтерией и составлением бумаг; на товарищевой смотрит свысока, подает всем левую руку. Вот и жалованье ему положили тридцать рублей в месяц, старым его приятелям жалованье убавили на пять рублей. Товарищи стали поговаривать: Внучкин фискалит; но Внучкин не обращал никакого внимания: исправно ходил на службу, делал свое дело, заставлял переписывать бумаги прежних своих друзей досылал домой каждый месяц по десяти рублей.

Прослужил он год, и покровские жители не узнали бы прежнего писаря Василья Сидорыча: он ходит в драповом пальто, брюках, носит рубашки из тонкого полотна, походка у него уже смелая, смотрит он задумчиво, волосы зачесывает по-городски, в голосе его слышится начальнический тон. Он играет в карты с конторщиком, смотрителем пристани и другими господами, и у него играют в преферанс.

Товарищи дивятся:

– Счастье, подумаешь, человеку! И как это он втерся скоро к конторщику! Уж мы ли не представлялись казанскими сиротами, а он-то, он-то, подлая душа!..

Конторщик был, что называется, сосветный плут: умел наживать деньги и разорял пароходовладельцев, ладя с другими конторщиками; ему понравилось прилежание, твердость, скрытность и ловкость Внучкина. Он сперва заставил его сосчитать расход в книге. Внучкин сосчитал скоро, конторщик поверил и поручил ему вести кассовые книги.

Бился-бился Внучкин с книгой, потел-потел, двои сутки просидел – черт знает что такое! Пошел к конторщику и говорит:

– Николай Иваныч, не сходится счет. Я двои сутки просидел над этой страницей. Например, принято сто пудов свеч по десять копеек за пуд – итого десять рублей.

– Так что же?

– В накладной значится – принято сто двадцать пудов по восьми копеек за пуд.

– Ах, да! Тут приход записан в четырех местах. Вот накладная за номером сто восемьдесят девять: принято столько-то ящиков свеч, на тысяча восемьсот пудов, по десяти копеек, да вот еще номер сто восемьдесят девять – сто двадцать пудов по восьми копеек. Теперь сочти: по накладной номер сто восемьдесят девять – принято такого-то числа сто пудов свеч по десять копеек пуд – десять рублей, да вот в другом месте в книге значится еще двадцать пудов по десять

копеек...

– А остальные?

– Эта квитанция в сто двадцать пудов будет служить документом, а другую мы уничтожим.

– Значит, отправлено-то сколько?

– Тысяча восемьсот, а по книгам будет сто двадцать.

– А если будут ревизовать?

– Кто будет читать книгу-то! Кто наши дробы станет считать, кроме нас? А ты молчи. Если увидишь красный карандаш на квитанции, тот приход и вноси, а синий – осади на запас, в шкаф.

И стал так делать Внучкин. Он скоро выучился всем проделкам конторщика – что, как и почему происходит – и получил жалованья пятьдесят рублей в месяц за то, что сводил хорошо счета и сбивал с толку разных конторщиков. Он был что-то вроде чиновника особых поручений: разъезжал на чужих пароходах от пристани до пристани, сбивал подрядчиков с толку, ссорил конторщиков между собою, за картами выслушивал разные мнения, неприятные для его компании. Сперва он действовал так ловко, что все конторщики удивлялись: как это они впросак попадают, а потом, как узнали о Внучкине, стали запирать перед ним двери. Но от этого их дела все-таки шли не лучше, и все знали, что с N-ской компанией тягаться труд-

но, потому что бывали случаи такого рода: главное управление пароходства просит контору пароходства почетного гражданина Бунькова и Ком. выдать взаимобразно пять тысяч рублей под залог такой-то баржи. Управляющий буньковской компании давал; через два дня деньги возвращали, баржа оказывалась с дырой на дне, и буньковская компания платила проторы и убытки. А баржа была цела.

IV

Летом Внучкин едва успевал обедать и спать, потому что надо было в конторе работать, исправлять поручения конторщика и управляющего, которые, видя в Внучкине ловкого и скрытного человека, только ему одному и доверяли секретные дела; надо было идти к кому-нибудь в карты играть или к себе пригласить, потому что если уж сам в гости ходишь, так и к себе надо приглашать, а эти порядки хорошо наблюдались и соблюдаются у всех пароходчиков по праздничным дням и в будни – зимой, когда служащие в конторах только баклуши бьют. – Жилось Внучкину хорошо, он даже сделался толще после шестимесячной службы. При всем этом он жил аккуратно, так что в первые четыре месяца службы посылал своей жене деньги, но потом перестал: дескать, что я за дурак – здесь расход, туда посылай. Пусть сама добывает!

У него заведена была маленькая книжка для записки прихода и расхода; туда он записывал даже гроши, которые подавал нищим. Когда он однажды сличил расход с прошлым месяцем и оказалось, что израсходовано лишних два рубля, то он не стал покупать булок к чаю и ассигновал проигрывать в карты не более пяти рублей в месяц. Впрочем, он почти все-

гда выигрывал. Случалось, часто он не обедал, а пил только чай; вечером редко-редко ужинал. Очень любил выменивать старые сапоги на новые и в свободное время сам починивал сюртук или пальто. В гостях он выпивал пять стаканов чаю, был очень разборчив, много ел, что больно не нравилось хозяевам, которые подтрунивали над ним и прозвали его бездонной кадкой – и хохотали над тем, что после каждой рюмки вина он всегда закусывал или колбасой, или семгой, хотя бы и пил во время обеда или десерта.

Получил он письмо от жены. Просит денег, больна.

«Вот дура-то набитая! Детей рожать мастерица, а добывать денег – нет», – думал Внучкин и написал ей такое письмо: «Ты и думать не смей, чтобы я тебе послал еще денег. Здесь город, да еще губернский, денег много выходит. На что тебе деньги? Посылаю при сем пять рублей».

Через месяц получает опять письмо от жены: «Сделай ты божескую милость, возьми ты меня к себе. Со скучилась я об тебе, голубчик».

Внучкин опять послал жене письмо: «Ну, что ты за дура: зачем тебе ко мне ехать, да еще с ребятишками. Экая невидаль! А ты бы лучше об доме-то старалась да за пашнями присматривала. Ужо приеду домой, задам я тебе!»

Наступила вторая скучная зима. Дела в конторе так

было мало, что служащие рады не рады, как засядут играть в карты, а до этого времени толкуют о разных управляющих и конторщиках, называя их ворами; то же самое и между управляющими и конторщиками. Сплетни идут по всему пароходному миру, так что Внучкину уже тошно становится слушать. Надоели ему и карты и гости, да и денег стало больше выходить; служащие играют в долг, потому что каждый из них многим в городе должен; сделалось скучно о доме, о жене и он захотел съездить туда. Но как съездить? Своих денег тратить он не хотел и добился-таки того, что его послали за наймом судорабочих на родину и денег отвалили много.

Хлопот по найму рабочих было немало, потому что нужно было разъезжать по деревням, возиться с крестьянами, сельскими начальствами, а срок полагался небольшой, так как наступал март месяц.

В передний путь он сэкономничал от прогонов сто рублей, потому что на почтовых лошадях ехал очень немного, а от города к селу или деревне ездил даром; в этих местах были крестьяне, искавшие дела, да и сельское начальство радо было подрядчику, потому, во-первых, что оно получало магарычи, а во-вторых, сталкивало в заработки не платящих по бедности подати и недоимки. В инструкции, данной ему главной конторой N-ского пароходства, велено было под-

рять крестьян на разное жалованье, от шести до пятнадцати рублей в месяц, отобрать от них паспорта и прислать в Нагорск, заключить с крестьянами условия и выдать им задатки. А это дело было знакомое Внучкину. В каждом селе он дела обделывал скоро, потому что сам был в этом уезде писарем и все писаря ему знакомы. Отобрал он от крестьян паспорта, выдал каждому по рублю и послал в Нагорск.

– Маловато, поштенный, – говорят крестьяне.

– Говорите спасибо, что я за вас подати уплатил, – отвечает Внучкин.

– Так теперь нам сколь следует получать-то?

– А кто нанялся по восьми, тот шесть будет получать.

– Уж лучше бы, ребята, уж не подражаться.

– Теперь уж поздно, братцы. Мы вас не обидим, – говорит Внучкин.

– Это так. Житье там, сказывают, – все реки, вода, да трудно.

– А лучше на печке лежать?

А Внучкин от каждого крестьянина нажил по рублю серебром – таким образом: в условиях, заключенных с крестьянами, было сказано, что за них внесены подати и недоимки. Подать действительно была вся внесена за полгода, а недоимки – по нескольку копеек. Тут, конечно, нажились и писаря и старосты.

Крестьяне этого не знали, потому что деньги на приход писаря обещались записать после; им выдали только квитанции в получении денег за подати, а условия оставлялись всегда в главной конторе пароходства.

Приехал Внучкин в Покровское село. Почти из каждого окна смотрели, как он ехал; попадавшие на встречу ему люди не узнавали его, останавливались, а узнав, замечали: эх его расперло; гли, рожато!

Жена его расплакалась от радости; глядя на нее, и дети стали кукситься, но с удивлением смотрели на родителя.

– Ну, чего ты реवेशь, дура! Ставь самовар; делай пельмени, топи баню.

– Ох, голубчик, погоди! ведь чуть не три года, как не видались. И какой это ты, право: и письма, что есть, не хочет написать и денег не посылает.

– Где бы я взял их?

– Да вот ты, поди, не одну сотню нажил по наймам-то, – нет, чтобы жене ситцу привезти: у ребятишек вон все рубашонки обносились... Уж я вся об тебе изныла.

– Ну, ну. Делай, что говорят.

На другой день пришли с визитами – голова, писарь, священник, становой. Каждый имел какую-нибудь цель, но Внучкин держал себя важно, говорил

нехотя, свысока – и вытолкал их, сказав каждому: извините, я в баню иду, а завтра еду.

Крестьяне и жены их то и дело приходили к Внучкину из любопытства, посмотреть, как переменялся Внучкин. Они теперь забыли всю неприязнь к Внучкину, потому что теперешний писать был хуже Внучкина. Они, по простоте своей, хотели высказать ему все свое горе и попросить его, не поможет ли он им чем-нибудь. Но они ошиблись.

– Здорово, Василий Сидорыч. Как те бог милует? – говорили они, входя в избу Внучкина.

– Здоров, здоров!.. Что надо?

– Да я так... Ишь ты какой ноне стал...

– Ну, мне, братцы, некогда с вами калякать.

– Конечно... Где уж: ты и прежде... А скоро опять будешь?

– Не знаю.

Жена Внучкина заметила, что Василий Сидорыч уже не тот. Нет в нем прежних ласк, прежней хлопотливости; он сух, говорить с ней не хочет, важничает, детей не приласкает. На другой день утром жена его нарочно принарядилась по случаю его приезда, напекла и нажарила в печи много. За чаем Василий Сидорыч был веселее.

– Ну, Евгенья, мне завтра нужно ехать... Жена вздрогнула, заплакала.

– Погости ты, Васенька, голубчик...

– Нельзя, я человек служащий. Здесь скучно.

Жена пуще заплакала, а Внучкин издевался над ней:

– Там жить весело, друзей много, а здесь не то: все мужики... Завтра чем свет уеду.

День в селе больно длинен показался Василью Сидорычу. К крестьянам ему идти стыдно было, с писарем и прочими знаться не хотелось. Пошел к становому, – и проиграли в карты до утра.

Выспался Василий Сидорыч и стал собираться в дорогу. Сцена была тяжелая: жена плакала, ребята тоже; Василий Сидорыч, как видно, старался скорее улизнуть. Во дворе стояла пара лошадей, запряженных в повозку, за воротами стояли крестьяне.

– Ну, Евгенья, прощай. Мне жалко тебя, да что делать! – Василий Сидорыч прослезился и вынул из-за пазухи бумажник, развернул его, стал считать деньги.

– Ну, на вот тебе пятьдесят рублей. Да смотри, не проси денег, – сказал он жене и положил на стол две двадцатипятирублевки. Жена поклонилась ему в ноги.

– Спасибо, Васенька! Мне и денег бы не надо, только бы ты дома-то...

Выехал Василий Сидорыч за ворота. Крестьяне шапки сняли, поклонились.

– Прощай, Василий Сидорыч.

– Не увезешь ли грамотку Семену?

– Где я его там искать-то стану? отправь по почте.

И Василий Сидорыч уехал к становому и на другой

день с ним уехал в город.

Становой был очень любезен с ним всю дорогу;

Внучкин напоил его в городе до положения риз.

Становой был тоже не промах.

– Ты, я знаю, плут: за тобой еще старые грешки

есть! Хошь, задержу? – сказал он.

Внучкин, однако, успел уехать подобра-поздорову.

VI

По приезде в Нагорск Внучкин первым долгом представился конторщику.

– Ну, я думаю, ты нагрел лапу.

– С чего это вы взяли? Да и откуда я поживусь?

– А от крестьян?

– Сохрани меня бог. Я все делал по совести. Вот вам остатки от расходов – тридцать два рубля двенадцать с половиною копеек.

– Какие остатки? В прошлые годы у нас больше асигновали, да недоставало еще.

– Ну уж, я не такой человек, чтобы чужим добром пользоваться.

Конторщик решительно не понимал: зачем Внучкин ездил, когда он даже остатки представил.

– Да ты возьми их себе, мы сведем счеты.

– Ну уж, нет! Оборони меня бог. Конторщик донес об этом поступке управляющему, тот позвал Внучкина к себе.

– Благодарю за честность. Я велел конторщику выдать вам возвращенные деньги в награду, а я назначаю вас смотрителем здешней пристани: Савинов – вор, а вы, как видно, честный.

Житье Внучкину на пристани было хорошее: рань-

ше он постоянно находился в виду начальства, должен был унижаться, слушать насмешки товарищей; теперь он сам был барин, и ему был большой почет от рабочих. Он занимал дом в несколько комнат, имел в распоряжении две лошади, все рабочие были в его руках, и он мог делать с ними что хотел.

Здесь он с раннего утра до ночи был в хлопотах. Зимой на пристань привозили товар, в гавани стояли суда, в амбарах лежали разные снаряды и припасы. Все это охранялось под надзором Внучкина. Зимой же и весной починивали баржи, пароходы смолили, строили шитики (большие лодки, похожие на ялики); надо всем этим наблюдал Внучкин, и все материалы – доски, лес, дрова, пакля, смола и проч. – были на его ответственности, и этим, с разрешения конторы, он распоряжался. Летом же нужно было постоянно что-нибудь выдавать, смотреть за рабочими, нанимать и рассчитывать их, и все это приходилось делать одному Внучкину, потому что он никому не доверял. Для ясности представим один летний день.

Утро. На большом дворе, около товаров, покрытых циновками, сидят, стоят и ходят человек сто: тут есть мещане, крестьяне, солдаты, мастеровые, женщины. Они пришли сюда таскать кладь (или на поденщину). Одни из них едят ржаной хлеб, булки, другие курят трубки. Недалеко от них две торговки продают хлеб

и калачи, девочки продают квас. Толки разные. В разных местах идет работа: то залепляют варом дранки на опрокинутых шитиках, то работают на баржах, то доделывают новую баржу, то вытаскивают якорь из воды, то бревна пилят. Работа кипит, точно всяк торопится; всякий идущий из рабочих кажется озабоченным, Стук, треск, крики – все это сливается в одно, и трудно разобрать какое-нибудь слово.

Но вот из-за бочек вышел Внучкин в сером пальто и с связкой ключей в руке. Сидевшие встали, рабочие поклонились, и один из рабочих, как видно, давно дожидавшийся, подошел к нему.

– Василий Сидорыч... Сделай такую милость...

– Что тебе?

– Да денег бы...

– Приходи в шабаш.

К Внучкину подходит один подрядчик.

– Василий Сидорыч, как прикажете: те горбины трогать или нет, што у мостику?

– Разве те все вышли?

– Плоховаты оказались.

– Ну, употребить на починку пола... Эй, ты! Как тебя?

– Чего? – сказал шедший с доской парень.

– Скажи Петрову, штобы он пришел.

– Чую.

– Ну, што! По скольку вы согласны? – спросил Внучкин поденщиков, важно остановившись около них.

– А уж почему? по сорока?

– Нет, по двадцати.

Народ заговорил. Разобрать ничего невозможно.

– Хотите, нанимайтесь: мужчины по тридцать, а бабы по двадцать копеек, а не хотите – наплевать!

– А вчерась пошто было сорок?

– Товару немного.

– Будет на неделю.

Подошел староста. Поденщики согласились. Староста сосчитал их всех, дал каждому по жестянке, и переноска клади в баржи началась.

Оглядев все, что следовало, сделав кое-какие распоряжения, обругав рабочих за леность, выдав что нужно, он ушел пить чай с Лизаветой Семеновной, молодой барыней, как ее звали рабочие, знавшие, кто она такая. В это время никто к Внучкину не допускался.

После чаю он ушел в конторку, стал записывать счета.

– Как бы мне не попасться: написал – куплено масла на сто рублей, а покупать не хочется... Сойдет! Купцы и так мошенники, а я бедный человек.

В прихожей толпятся распорядители работ или надсмотрщики за разными вещами и местами.

– Василий! – кричит Внучкин. В контору входит здоровый мужик.

– Чево изволите, Василий Сидорыч?

– Если про масло спросят, скажи: на неделе купили, да Прошка продал, я прогнал его. За это я тебе прибавлю.

– Покорно благодарим. А как же без масла-то?

– Ну, как-нибудь... Ну, еще што?

– Да дрова, Василий Сидорыч, разнесло, сажень десять. Ночью вон какая буря была. У парохода «Иван» колесо повредило.

– Ах вы, подлецы эдакие! Што же вы смотрели, окажанные?

– Да што сделаешь-то: ветер вон какой, – раскачал, ничего не сделали. Рабочих мало, да и дров-то сажень десять уплыло, не больше. Плоты – те целы остались.

Внучкин пишет на бумаге: в бурю сего числа унесло восемнадцать сажень дров, разнесло тридцать деревьев, сорвало крышу на втором лабазе, сломало колесо на пароходе «Иван».

– Ну, а ты што? – спрашивает он молодого парня в оборванном зипуне.

– Да денег бы надо.

– Его! да ты, брат, уже вперед забрал. Смотри, – показывает он парню книжку.

– Нет, помнится, не забирал. За вами еще три рубля восемнадцать копеек.

– Да смотри!

– То-то што, не вижу грамоте-то.

– Ну уж, так и быть: на полтинник!.. Смотри, это вперед.

– Воля ваша, только напрасно обижать изволишь.

– Поговори еще, свинья! Хошь – работай, не хошь – двадцать будет на твоём месте!

У конторы стоят двадцать человек рабочих, одни из них еще не получили денег, другие получили, третьи вперед забрали.

– Книжки! – кричит Внучкин рабочим. Те достают тетрадки с засаленными и заваленными в грязи листами.

– У меня нету, потерял, – сказал один.

– Как ты еще нос не потерял? – закричал Внучкин: товарищи рабочего захохотали. Через несколько времени, сделав расчет, Внучкин пошел во двор осматривать работы. Стоявшие у конторы заговорили:

– А што ж расчет?

– Некогда. Я позову. – Он ушел, рабочие тоже разошлись. Походив в лабазах, между тюками, около рабочих, сделав по одну распеканцию, он воротился домой и стал записывать:

Выдано сего числа: двадцати рабочим поденщины

по 40 коп. 8 руб. 00 коп. тридцати рабочим вперед за июнь 28 коп 37 1/7 коп. за свозку бревен с реки 2 " 13 коп. за поправку почки в конторе – " 50 "

– Што ж расчет? – кричат рабочие у конторы.

– Вот каторга-то! – ворчит Внучкин, потом кричит служителю: – Иван, встань у двери и никого не пускай.

А потом начинает описанным выше порядком рассчитывать рабочих по одному.

После обеда он опять осмотрел работы и поколотил одного рабочего за то, что тот был не у дела. Поденщиков, таскавших кладь, он обещал рассчитать завтра. Вечером он, поохал к управляющему, которому сообщил о буре.

– Хорошо. Послушай, Василий Сидорыч, нельзя ли кому ту худую баржу спихать, понимаешь?

– Понимаю. Меня уже спрашивали.

– Ты можешь проценты получить.

В гавани стояла баржа. Она была еще новая, но управляющему нужны были деньги. По книгам конторы значилось, что баржа за № 12 очень ветха. Теперь управляющий решил продать ее, а вместо ее поставить другую. Внучкин это дело обделал: баржу променяли на худое судно, на слом, и управляющий был в барышах, да и Внучкин не в убытке.

Все считали Внучкина за ловкого парня и за дельца, он был принят у всех управляющих и конторщиков.

Больше прежнего управляющие переманивали его к себе на службу, но он не шел. Он хотел быть управляющим и через три года получил назначение управлять парходом Бурой компании в городе Остолопе, где еще до сих пор было очень мало парходов, с жалованьем в три тысячи рублей в год.

Внучкин выписал в Остолоп жену и записался в купцы третьей гильдии.

В Остолопе Внучкин с жаром принялся за свое дело: арендовал место для пристани на выгодных условиях, закупил лесу, барок и всего, что требовалось, тоже на выгодных условиях, дешево соорудил конторку на пристани, избушку для рабочих, также дешево нанял для себя и для служащих дом. За все это он получил от компании благодарность. Хозяева компании приехали в Остолоп и удивились, что работа кипит, – и Внучкин был хорошо обласкан ими; они задали шику аристократии своими балами и уехали в столицу наслаждаться жизнью.

А Внучкин стал важным человеком: ни одного праздника не проходило без того, чтобы у него не собирались тузы города и не играли у него в карты. Ни одного большого праздника не проходило без того, чтобы к нему знать не ездила с визитами и он к ним; и каждый должностной чиновник получал от него в пасху и на новый год подарки, состоящие в чае, день-

гах и даже дровах. Внучкин был в славе, за Внучкиным ни один управляющий других компаний не мог угоняться: все удивлялись его мудрости; бедные горожане, и те хвалили его за то, что он подает на бедность, а раз даже весь город долго толковал о такой штуке.

Приходит к Внучкину пьяный человек и сует ему бумагу. Внучкин в известные часы всех принимал.

– Что, батюшко, скажете?

– Священник бумагу дал, – говорит тот. Внучкин прочитал.

– Ну что же: дочь умерла. Пьяница, бедный человек... Ты бы лучше в рабочие шел, дружок... Василий! – крикнул он своего конторщика из раскольников. – Назначь этого молодца рогожи обдирать со льду.

– Я чиновник-с.

– Ну, это вину не убавит. Василий, позови рабочих. Как ни бился чиновник, а рабочие свели его на пристань и заставили отдирать рогожи, но чиновник скоро убежал с пристани.

Он был строг, за всем наблюдал в будни сам, требовал честности; но при всем этом был и ласков, шутил. От острот его хохотали аристократы.

Три года прожил Внучкин в Остолопе, и об нем уже все в городе знали. Все говорили: это славный чело-

век, пароходство Бурой компании процветает. Но зна-токи дела только качали головой и говорили: посмотрим, что дальше будет; кто кого объегорит: Внучкин ли компанию, или компания Внучкина? Как ни тяжело было рабочим терпеть, то есть работать много, недополучать жалованья, но они были поставлены Внучкиным и его приказчиками в такое положение, что отходить было невозможно, потому что они постоянно до осени были в долгу у Внучкина. Нанимались же они в судорабочие потому, что дома жить невозможно было, а при найме им обыкновенно упали водки, и подрядчики говорили им, что обижать их не будут, хозяин у них теперь добрый. Многие крестьяне шли даже по принуждению сельских начальств, грозивших им солдатчиной, острогом за неплату податей и недоимок. Городские же жители – мещане, отставные солдаты – нанимались только в поденщину, а если им недодавали денег приказчики, они делали свое дело: таскали домой совковый чай, воровали дрова, бросали по неосторожности тюки. Но за это они лишались работы, потому что Внучкин нашел выгоднее платить поденщину рабочим арестантской роты.

Вы думаете, читатель, он от жалованья рабочим набил карманы? Нет. В последнее время он предоставил это приказчикам по необходимости. Он, надо сказать правду, хорошо поворовывал.

Главный приказчик говорит ему:

– Василий Сидорыч, надо бы лесу купить.

– А тот где?

– Вы приказали продать.

– Мне Александр Антипыч обещался продать восемь барок. Они у него бросовые же. Там он своим показал, что барки на дрова испилены. Ну, я их куплю: очень дешево продает, кстати же он и должен мне.

– Что же мы с ними будем делать?

– Посмотрим. А об лесе я позабочусь. Ведь и дров надо.

– Да тысячи две четвериков еще есть.

– Гм!

Через день Внучкин пишет в книге: куплена одна тысяча четвериков березовых дров за столько-то. За сплав, за рубку и пилку столько-то заплачено.

«Хорошую я штуку обделал, – думает Внучкин: – по отчетам и по той (форменной) книге значится: весной эти дрова в количестве двух тысяч пятисот четвериков стояли на берегу. Семен говорит: их еще две тысячи, значит – пятьсот сгорело. Хорошо; а мы покажем: сгорело полторы тысячи – ведь у нас четыре парохода. Правда, на прочих пристанях есть дрова, да наплевать... Вот я, значит, сэкономничал – и свои дрова продаю...» Через неделю дрова эти продаются горожанам. На место их приплавляют новые. Эти дрова

также Внучкин продал компании за свои... То же самое и с барками и прочим материалом...

Приказчики об этом знали, но молчали, потому что сами поживались немало. Знали об этом и другие пароходные конторы, но научиться такой ловкости никак не могли, да и не удавалось как-то. Хотя же Внучкина и обревизовывали, но по ревизиям оказывалось все хорошо, а в главной конторе этой компании целый год бились над книгами Остолоповской пароходной конторы, да чуть голову не потеряли.

– Ну уж, и наплели же вы, – говорили ему бухгалтеры в столице, куда он ездил часто.

– Бейтесь – не бейтесь, а под меня не подточитесь. Приходите лучше ко мне.

Так и перестали ревизовать Внучкина, понимая хорошо, что лучше получить подарок, чем на одном жалованье жить, да и Внучкин такая сила, что с ним ссориться опасно: он по всем компаниям разблаговестит, что такой-то первый мошенник, и такого человека никуда не примут.

А тут вдруг такое дело вышло, что в компании не стало денег. Вот и беда. Внучкин задумался и поехал в столицу, наплел там множество ужасов – и ссудил компанию деньгами под залог баржи и парохода... а потом и гладит от удовольствия свое брюшко.

VIII

Вдруг в пароходном мире разнеслась молва: Внучкин пароход купил и от Бурой компании отказался.

Смотрят – тащит пароход вниз по реке две баржи. Чей? – спрашивают... Внучкина; да он еще хочет пароход строить, уж у англичанина Ида чеканят, говорят...

Пароход пробовали. Внучкин важно-весело ходил по палубе. Когда пароход остановился у пристани Бурой компании, Внучкин и говорит, улыбаясь, конторщику соседней пристанской конторы:

– Што, каков мой пароход?.. Ведь в каждой барже по двадцати тысяч пудов.

Конторщики дивятся и завидуют: вот ведь мы так и дома не можем завести... Ловкий парнюга!

Дела его несколько лет шли хорошо, несмотря на то, что у него было три парохода. Другие пароходо-владельцы и с семью пароходами банкротились, а Внучкин нет. Конечно ему трудновато было заводить-ся пароходным имуществом, но как-то вышло так, что он потратил очень немного денег, и так как за всем следил сам, то, значит, своя рубашка к телу ближе. У него не было управляющих, а был только конторщик с двумя писцами да несколько человек на пристани.

Эти люди не смели воровать, потому что за воровство попадали под суд. Он сам подряжал рабочих, предоставив только одному приказчику выдачу денег, сам подряжал крестьян на сплав леса, да и лесу-то требовалось немного, сам урядился с купцами насчет клади, и так как он брал кладь дешевле других, пароходы были хорошие, то большинство купцов и отправляли кладь на его пароходах и баржах. Капитаны у него были люди, знающие свое дело, лоцмана опытные, и поэтому случалось так, что пароход Внучкина ночью задевал чужой пароход. Оба парохода терпели поражение, но Внучкин всегда выигрывал. Случалось, что пароход Внучкина шел не по своей линии, отчего чужой пароход садился на мель. Но такие дела, впрочем, не всегда сходили удачно: в один год у него засела на мель баржа с чаем, чай подмок, и он заплатил деньги; его пароход набежал на судно – и тут он порядочно поплатился.

После этого несчастья он сделался добродетельным: каждую субботу бедные получали от него копейки, бедных даром возили на его пароходах, под видом того, что они едут на богомолье, бедные чиновнические вдовы получали пособия – и Внучкин считался за великого благодетеля и граждане выбрали его даже ратманом городского магистрата. Но дела стали идти плохо; убыток в тридцать тысяч подкузьмил его,

и дела его мало-помалу поправились разными подрядами.

А тут и на подрядах поймали его. Опять убыток большой, пришлось один пароход продать. На следующий год другой пароход в карты проиграл.

Внучкин продал третий пароход с баржами довольно выгодно, записался в купцы второй гильдии и поехал на золотые прииски, говоря всем, что он поехал на родину доживать свои дни.

На этом я и останавливаю рассказ до другого раза.